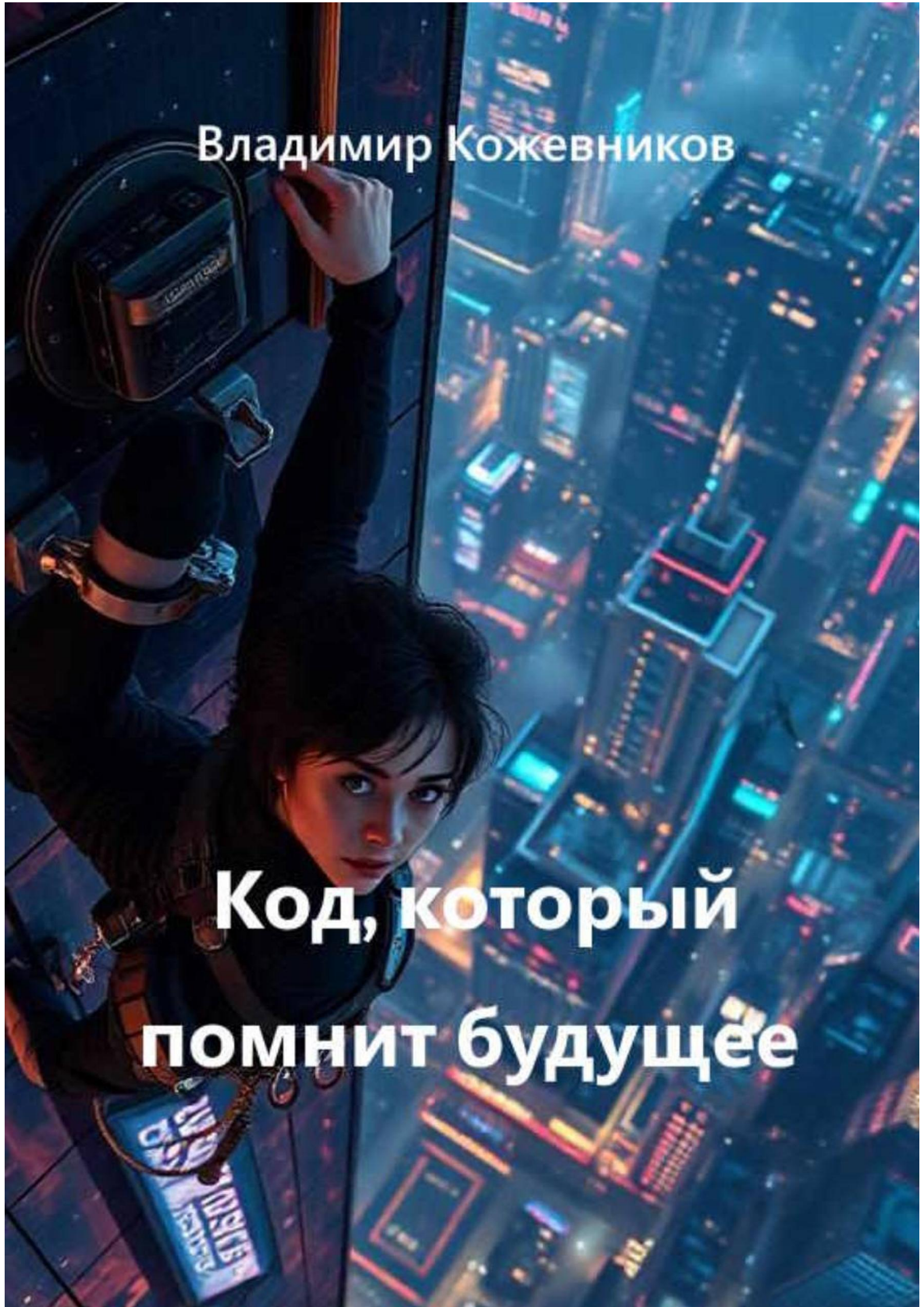




Владимир Кожевников

Код, который
помнит будущее

Владимир Кожевников

Код, который помнит будущее

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Код, который помнит будущее / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

В мире, где будущее каждого человека расписано до секунды, хакер Лея ворует загадочный код, предсказывающий её собственную смерть через 48 часов. Отчаянная попытка обмануть судьбу приводит её к союзникам — «призракам», стёртым из системы, которые знают, что реальность можно переписать. Вместе они проникают в сердце корпорации, создавшей это предсказание, и сталкиваются с её создателем — Архитектором, который предлагает Лее выбор: уничтожить систему, подарив миру непредсказуемость, или стать её частью. Но даже в мире, где всё кажется кодом, остаётся место для настоящего бунта, когда героиня решает не просто сломать программу, а переписать её правила, сохранив тех, кто стал ей дорог. Это история о том, как можно обрести свободу, даже если твой выбор был предсказан — но прожит по-настоящему.

Содержание

Глава 1. Эхо в статике	5
Глава 2. Петля предсказания	7
Глава 3. Трещины в голограмме	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кожевников

Код, который помнит будущее

Глава 1. Эхо в статике

2085 год. Мегполис Кронос-Сити, два часа ночи.

Дождь не падал — он висел. Миллиарды микроскопических капсул с наночастицами отражали свет голографической рекламы, создавая эффект жидкого, дышащего неона, стекающего по фасадам из углеродного стекла. Лея висела вниз головой на высоте 140 этажа, и город под ней казался опрокинутой чашей с кипящим электрическим бульоном.

Магнитные захваты тихо жужжали, компенсируя порывы ветра, запрограммированного погодными башнями «Хроноса». Она ненавидела «Хронос» — каждый кубический метр их стерильного воздуха, каждый нейро-имплант «Второй рассвет», обещающий «Завтра без ошибок» прямо под черепом, и каждую фальшивую улыбку их аватаров.

Сейчас ею двигал не гнев. Азарт.

В трёх метрах матово поблескивал порт физического доступа. Анахронизм. Медная жила, защищённая от любого беспроводного сканирования клеткой Фарадея. Данные здесь текли по старинке, через свет внутри стекловолокна. Чтобы украсть их, нужно было прикоснуться.

— Кэт, статус.

В ухе ожил голос ассистента:

— Охранные дроны «Цербер» перезагружают протоколы. Окно 47 секунд. Расслабь плечи, пульс 120.

— Это кофе.

— Врёшь. И... подожди. Я перехватываю их новый паттерн облёта. Он какой-то неестественный. Слишком точный. Они строят маршрут так, словно знают, где ты будешь через 15 секунд.

Палец Леи замер у разъёма. По спине пробежал холодок. Но время утекало. Ноготь отщёлкнулся, обнажив жало оптического кабеля. Контакт.

Перед глазами развернулась алая паутина корпоративной сети. Брандмауэр выглядел как рваная рана в пространстве. Лея скользила сквозь файловые структуры, похожие на хрустальные леса. Большинство данных было мусором. Она искала проект «Мнемозина».

Нашла. Идеально чистый пробел в индексации. Нулевой сектор, притворяющийся пустотой. Анализ метаданных раздела показал несоответствие: под эту «пустоту» было неадресуемо распределено 2,4 терабайта физической памяти. Пустота весила.

— Скачиваю. Время?

— 22 секунды. Дроны завершают перезагрузку. Лея, их маршрут... он ложится идеально по твоему вектору отхода. Бросай!

— Ещё 10%.

Прогресс-бар заполнился. Лея выдернула кабель, захваты сработали на отлипание, и она рухнула в пустоту, раскрывая нано-парашют за миг до входа в зону видимости дронов.

Она скользнула в узкую щель между башнями, в лабиринт технических тоннелей Нижнего Города, где неон не сиял, а сочился фосфоресцирующим лишайником из лопнувших труб. Сердце колотилось. У неё получилось. Она открыла пакет данных в «песочнице».

Это был скрипт. Всего 2880 строк — по числу минут в 48 часах. Строки на неизвестном языке, но нейрочип услужливо транслировал смысл. События. Конкретные, мельчайшие события. И первые три строки уже исполнились.

[00:01] Субъект: Лея. Действие: визуальный контакт с портом.

[00:02] Субъект: Лея. Действие: подключение.

[00:03] Субъект: Лея. Действие: скачивание завершено.

Дальше шли сотни строк. Лея читала, чувствуя, как к горлу подступает ледяной ком. Там было всё: секунды её паники, маршрут бегства, вкус белковой лапши в дешёвой забегаловке через три часа, встреча с патрулём, которую она «чудом» избежит. Код описывал её мысли, её рефлексy. Она была не субъектом. Она была функцией.

И последняя строка таймера, на 48-м часу, сияла ровным, безжалостным светом:

[48:00] Субъект: Лея. Статус: деактивация.

Глава 2. Петля предсказания

Она перечитывала последнюю строку, пока нано-парашют с шипением втягивался обратно в ранец. 48 часов. Деактивация. Скрипт висел перед глазами, наложенный на реальность интерфейсом нейрочипа, и Лея впервые за долгое время почувствовала себя не хакером, а взломанной.

Рефлекс бунта включился мгновенно, яростно. В скрипте было: [00:08] Субъект: Лея. Действие: вход в забегаловку «Лапша Дзен» через южный проулок. Она развернулась на 180 градусов и зашагала на север. Тоннель вонял озоном и плесенью. Через четыре минуты путь преградил завал — пластисталь и обрушившийся бетон. В обход нужно было идти через южный проулок.

«Совпадение», — прошептала она немеющими губами, и эхо повторило это слово с издевкой.

В «Лапшу Дзен» она вошла ровно в 00:08. Внутри пусто, в воздухе плавал имбирный пар. Скрипт требовал заказа острой том-ям с синткреветкой. Лея попросила стакан воды. Робот-официант мигнул алым: «Питьевая вода временно недоступна, только в составе комплексного обеда». Пришлось заказать том-ям. Она сидела над дымящейся миской, и каждая секунда ощущалась как гвоздь, забиваемый в крышку её свободы.

— Ты всё равно исполнишься, — сказала она коду, живущему в нейрочипе. — Но я хотя бы попыталась.

По скрипту, в 00:19 должен был войти человек в сером плаще. Лея вытащила из рукава тактическую иглу — миниатюрный шокер, способный парализовать нервный узел. Ровно в 00:19 дверь отворилась. Вошёл человек в сером плаще, сел напротив без приглашения. Молодой, но глаза — два колодца с застоявшейся тьмой.

— Не советую, — он кивнул на иглу. — В строке [00:20] твой удар, мой захват, твоя потеря сознания до [00:35] и пропущенная встреча с Каем. А Кай тебе нужен.

Рука Леи дрогнула. Имя «Кай» отсутствовало в её скрипте. Этот человек знал больше, чем код.

— Ты Редактор? — спросила она, голос прозвучал как лязг затвора.

— Бывший. Зови Рин. Я здесь, потому что ты сейчас в точке бифуркации. Смотри.

Он швырнул на стол сферу-проектор. Воздух вокруг них замерцал, выстраивая копию «Мнемозины». Лея ахнула. Строки больше не были монолитным пророчеством. Они ветвились, двоились, троились — полупрозрачные альтернативные цепочки пульсировали поверх основного текста, как глитч в изношенном интерфейсе. Строка [00:19] имела два варианта: «атака» и «диалог». Развилка была реальной.

— Ты видишь это из-за меня, — пояснил Рин. — Меня стёрли из всех реестров «Хроноса». Я — информационный призрак. Рядом со мной предсказание теряет однозначность, дрожит. Ты не просто пешка, Лея. У тебя есть пространство для манёвра, но оно узкое. Если уйдёшь одна, через 30 минут — захват «Церберами». Если пойдёшь со мной, получишь шанс встретить Кая.

— Зачем мне Кай?

— Он тоже стёрт. Вдвоём мы можем создать слепое пятно, достаточно большое, чтобы в нём родилось непредсказуемое решение. Представь, что реальность — это голограмма. Обычно предсказание видит каждый пиксель. Но если внести достаточно шума, в трещинах можно спрятать целую жизнь. Ты должна не сломать код, а выйти за его границы. Но для этого тебе придётся поверить, что кое-что в тебе настоящее. Твой гнев, например.

Лея сжала зубы. Гнев, знакомый с детства, потрескивал в ней, как оголённый провод под напряжением. Если он тоже имплантирован, то это лучшая подделка в мире. Но сейчас он подсказывал ей одно: доверься этому странному призраку. Не потому, что он убедил, а потому, что альтернатива — сдохнуть по расписанию — была невыносима.

— Ты сказал «создать слепое пятно». Как?

— Событие, которое не вписывается в логику кода. Мы должны прожить ближайшие 48 часов так, чтобы строка [48:00] рассыпалась в прах. Начни прямо сейчас: выбери «диалог», хотя каждый твой рефлекс требует «атаки».

Снаружи донёсся низкий, вибрирующий в костях инфразвук — охотничьи дроны «Цербер» вышли на цель.

— Считаю до трёх, — спокойно сказал Рин. — Раз — ты веришь мне, уходим. Два — остаёшься, и деактивация досрочно. Три...

Лея поднялась. За слоями взломанного кода, манипуляций и предсказанных шагов она ощутила крохотный, колющий уголёк того, что не описывалось ни в одной строке. Любопытство. Или азарт. Или та самая ярость, от которой плавилась чужие брандмауэры. Она не знала, настоящий ли он, но этот уголёк обжигал её, а не кого-то другого.

— Веди, — сказала она.

Рин скупой улыбнулся, схватил её за запястье. Они нырнули в кухню, через чёрный ход, за секунду до того, как витрина забегаловки осыпалась стеклянным дождём под ударной волной дронов.

Глава 3. Трещины в голограмме

Они бежали по лабиринту Нижнего Города. Рин двигался с пугающей, почти нечеловеческой уверенностью, сворачивая в проулки за секунду до того, как охотничьи дроны пронеслись над головой. Лея задыхалась. Её нано-парашют был повреждён осколками стекла, левое плечо саднило от глубокого пореза.

— Сюда, — Рин толкнул ржавую дверь, и они ввалились в заброшенную подземную прачечную. Пахло сыростью, плесенью и старым моющим средством. Громадные стиральные машины стояли вдоль стен, как саркофаги мёртвых киборгов.

— Переведи дух, — бросил он, уже доставая из подсумка регенеративный пластырь.

Лея привалилась к холодному металлу, пытаясь унять пульс. Рин молча, сосредоточенно обрабатывал её рану, и в этом было что-то успокаивающе-будничное.

— Ты сказал, что меня создали, — произнесла она, глядя, как пластырь стягивает края пореза. — Объясни. Я помню детство. Родителей. Их лица.

— Помнишь, — согласился Рин, не поднимая глаз. — Но это не значит, что они были настоящими. Твои воспоминания — прекрасная компиляция. «Хронос» нашёл сироту с нужными нейрофизиологическими параметрами.

— Сироту, — эхом повторила Лея, и слово прозвучало как приговор.

— Да. Твои «родители» были актёрами с имплантированными ролями. Школа, друзья, первый компьютер, на котором ты взломала школьную сеть... Кукольный дом. Тщательно выстроенная декорация.

— Зачем? — голос Леи сорвался на шёпот, и где-то в горле застрял колючий шар, мешающий дышать.

— Чтобы создать хакера, который ненавидит «Хронос» достаточно сильно, чтобы его уничтожить, — Рин наконец поднял на неё глаза. — Парадокс: чтобы разрушить систему, они вырастили внутри неё того, кто её возненавидит. Ты — вирус, Лея. Спроектированный для заражения ядра.

— Но зачем корпорации уничтожать саму себя?

— Не себя. Старую версию себя. Основатель «Хроноса» мёртв уже двадцать лет, но его финальная программа продолжает работать. Он предвидел, во что превратится его детище, и оставил бомбу замедленного действия. Ты — его бомба.

Дверь прачечной содрогнулась от мощного удара. Металлический голос снаружи разнёсся эхом: «Объект "Химера" обнаружен. Объект "Призрак" обнаружен. Применяю протокол захвата».

— Они зовут меня «Призраком», — пояснил Рин, поднимая её за здоровую руку. — Тебя — «Химерой». Им критически важно, чтобы ты дожила до 48-го часа и активировала протокол. Но если попадёшь к ним раньше, они постараются перепрограммировать тебя. Стереть остатки воли.

— Что мы делаем?

— Идём к Каю. Он знает, как вывести из строя локальный узел «Мнемозины». Час тишины — и у тебя появится пространство для выбора, которого нет ни в одной строке.

Рин подошёл к одной из стиральных машин, набрал на проржавевшей панели код. Машина бесшумно отъехала в сторону, открывая тёмный, пахнущий озоном лаз. Они спустились в технический тоннель. Внутри было абсолютно темно; нейрочип Леи услужливо включил ночное видение, рисуя контуры труб и кабелей. Они шли молча. Лея думала. Если она — вирус, значит ли это, что её желание бунтовать — тоже программа? Где заканчивается её личность и начинается код?

— Не мучай себя, — нарушил молчание Рин, словно прочитав её мысли. — Я был Редактором, Лея. Семь лет исправлял будущее, удалял «неправильные» события. А потом заметил одно несоответствие. Событие, которого быть не должно. Начал копать и понял, что сам являюсь частью кода. Мои приказы, мои действия — всё было предписано. Единственным по настоящему моим решением было решение стереть себя.

— Поэтому ты стал Призраком?

— Да. Я удалил свой идентификатор из системы. Теперь «Мнемозина» меня не видит. Это причиняет боль: постоянный шум в чипе, мигрени, провалы в памяти. Но я свободен. Относительно.

Тоннель вывел их в огромное помещение бывшего заводского цеха. Посередине горел костёр, вокруг сидели люди-отбросы: бездомные, дезертиры, сломанные андроиды с проблесками самосознания. Лея заметила человека, приматывавшего к культям ржавые протезы, женщину с лицом, изуродованным подпольной пластикой. Подросток в углу беззвучно шептал что-то — его нейрочип сбоил, транслируя обрывки навязчивой рекламы.

— Нас здесь не найдут, — сказал Рин. — У этих людей нет идентификаторов. «Мнемозина» их не отслеживает. Кай должен быть здесь.

Кай обнаружился в дальнем углу. Он оказался молодым парнем с растрёпанными волосами, в рваной куртке с нашивками старых рок-групп. Он сидел на корточках и сосредоточенно паял что-то из электронного мусора. Когда они приблизились, он поднял голову. Один глаз был живым, карим и усталым, второй заменял оптический имплант с медленно вращающейся диафрагмой.

— Значит, это и есть та самая «Химера», — произнёс он вместо приветствия, и его губы тронула тень усмешки. — Выглядит менее смертоносно, чем в спецификации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.